

Хо Янь покачал головой:

— Нет, все рыси такие. Не смотри, что он сейчас жалок — вырастет, станет крупным, не меньше собаки, и зубы крепкие. И на дерево влезет, и на охоте не подведёт. А если кто посмеет его задеть — загрызёт насмерть, вовсе он не слаб.

— Загрызёт... человека? Это вот это маленькое создание? — Гу Тин указал на зверька размером с котёнка, не веря своим ушам.

Хо Янь кивнул:

— Угу. Но сейчас не сезон размножения, и он слишком мал, чтобы быть вдали от матери.

Мать-рысь не бросила бы детёныша. Раз они разлучены, значит... её, вероятно, уже нет в живых.

— Если никто о нём не позаботится, он ведь тоже умрёт? — Гу Тин закусил губу и вдруг обернулся к Хо Яню. — Давай возьмём его с собой? Будем растить вместе?

Хо Янь замер.

Глаза, смотрящие на него, были чистыми и ясными, словно самые прозрачные воды весеннего озера или самый холодный лунный свет летней ночи. Во взгляде таились надежда и жажда, будто малейший отказ заставит их наполниться слезами.

Как можно отказать таким глазам? Даже если бы он попросил звёзд с неба, ты бы попытался их достать.

— Хорошо.

Хо Янь услышал собственный голос — и в следующий миг увидел, как весенние воды взволновались, а летняя луна засияла. В этом прекрасном отражении он увидел и себя, и его сердце сжалось — в нём было и удовлетворение, и... недостаточность. Он, кажется, стал жадным. Хотел большего. Намного большего.

Заметив, что задержал взгляд слишком долго, Хо Янь слегка кашлянул:

— Боюсь, сам малыш может быть не согласен.

— Как это может быть? Раз поделились едой — уже знакомы! — Гу Тин протянул руку, чтобы погладить рысёнка. — Я буду о тебе заботиться, и мяса у нас будет каждый день, хорошо?

— Мя-а-у! —

Его ударили лапкой. А затем рысёнок развернулся и показал ему свой зад.

Гу Тин попытался снова приласкать его, но малыш среагировал мгновенно — шмыг — и скрылся в чёрной ночи, словно и не было его.

Гу Тин:...

Это было совсем не то, что он ожидал! Казалось, зверёк такой мягкий, милый, ласковый — как же так, поел и сбежал, без капли благодарности?

Видя его искреннюю печаль, Хо Янь утешил:

— Не стоит. Зверь дикий, не приручится. Если хочешь, потом подыщу тебе другого, хорошего.

Гу Тин заметно приуныл:

— Ладно уж...

Обратная дорога была тихой, ни один из них не проронил ни слова. Граничная ночь всегда такая густая, звёзды проглядывают редко, да и те неяркие, тусклые, смотреть на них тоскливо.

Проходя мимо лагеря Ю Дачуня, Хо Янь неожиданно заговорил:

— Впредь не говори так.

Гу Тин замедлил шаг и после паузы неуверенно переспросил:

— Про «любимца»?

Хо Янь кивнул:

— Это неуважительно.

Будь то «любимец» или «сокровище сердца» — в этих словах, на его взгляд, слишком много пренебрежения. Когда люди произносят такие титулы, пусть даже с завистью или иными чувствами, в них всегда сквозит нечто двусмысленное. А человек рядом с ним заслуживает всего самого лучшего в этом мире, его нельзя принижать.

Никто не смеет.

Гу Тин медленно опустил взгляд:

— Да.

Он пнул камушек под ногой. Действительно, неуважительно. Хо Янь — князь — Страж Севера, опора Дася, божество для жителей пограничья. Как у него могут быть такие недостойные слухи? Хо Янь не должен держать любимцев, не должен пятнать своё имя. Ему предстоит жениться, завести детей, прожить жизнь в мире и благополучии, оберегать народ и навсегда остаться тем самым благородным и могущественным князем — Стражем Севера.

— Больше не буду так говорить.

Гу Тин поднял голову и посмотрел на высокое небо.

Здесь было слишком холодно. За два месяца он так и не смог привыкнуть, да, пожалуй, и никогда не привыкнет, никогда не полюбит такой климат. Вспоминая всё, что хотел сделать после второго рождения, он понимал, что почти всё завершено. Осталось только разобраться с трупным ядом. Как только это будет сделано, оставаться здесь не будет нужды.

Город Цзююань не очень-то в нём нуждался. Хо Янь... тоже не нуждался.

Гу Тин сделал долгий выдох. Нужно будет начать жизнь в другом месте. Куда же отправиться? Говорят, Цзяннань прекрасна: цветущие набережные на десять ли, беседки и павильоны, дымка дождя, тонкий аромат туши. Тамошние женщины необычайно красивы, мужчины полны

талантов.

И там тепло — даже зимой снег редок, почти как здешней весной.

...

Гу Тин получил письмо от Мэн Чжэня и узнал, что Гу Цинчан снова затеял недоброе. Это укрепило его решимость немедленно вернуться. Он уже собрал вещи, оставалось лишь попрощаться лично. Но, как назло, в самый последний момент Хо Янь внезапно заболел.

Не из-за раны, не в бою — обычная простуда.

Трудно было представить, что простая простуда может сломить человека, тем более такого крепкого, как Хо Янь. Но как бы ни был он силён, он оставался человеком из плоти и крови, и болезни его не обходили. Возможно, всё, что копилось прежде, прорвалось разом — Хо Янь слег тяжело. Когда Гу Тин узнал о болезни, у того уже был сильный жар, который не спадал.

Казалось бы, всего лишь простуда, к трупному яду отношения не имеющая, но болезнь почему-то ускорила распространение яда. Язвы на теле, прежде едва заметные, вдруг стали расплзаться, сливаясь в пятна и умножаясь с пугающей быстротой. Гу Тин буквально видел, как они появляются одна за другой, каждый час — больше, чем в предыдущий.

И сама простуда у Хо Яня протекала тяжелее, чем у других: жар не отступал, он бредил, не мог ни есть, ни пить, его рвало. Казалось, все возможные тяжёлые симптомы сошлись в нём разом, и он на глазах таял.

Такого быть не должно. Не должно...

Гу Тин запаниковал. Это совсем не совпадало с его воспоминаниями из прошлой жизни. Конечно, он не знал во всех подробностях, что тогда происходило с Хо Янем и армией Стражей Севера, но болезнь не должна была принимать такой оборот, иначе в итоге не он бы выжил.

Почему? Неужели его второе рождение изменило судьбу Хо Яня?

Гу Тину стало страшно.

Но сейчас было не время для страха. Он крепко сжал руку Хо Яня:

— Ты... не бойся. Сейчас с обеих сторон всю ищут противоядие, испытывают составы, скоро будет результат. Ты обязательно поправишься... с тобой всё будет хорошо!

Хо Янь приходил в себя редко, но в один из таких моментов он слабо сжал ладонь Гу Тина в ответ. В этом пожатии не было прежней силы, лишь собственная немощь и горечь.

Он спокойно посмотрел на Гу Тина:

— Разве ты не собрал уже свои вещи? Почему ещё не уехал?

Гу Тин, встревоженный, воскликнул:

— Как я могу уехать, когда ты в таком состоянии? Как я могу тебя оставить!

Хо Янь оставался бесстрастным:

— Кто я тебе такой, чтобы ты не мог оставить?

Гу Тин почувствовал, как сердце сжалось.

Голос Хо Яня был тих и немного хрипл, взгляд спокоен, а в глубине глаз не было ни капли прежнего тепла:

— Уезжай. Здесь ты никому не нужен.

У Гу Тина запершило в носу, глаза медленно наполнялись слезами:

— Ты настолько не хочешь меня видеть?

Хо Янь:

— Да.

Гу Тин понимал, что Хо Янь делает это нарочно — просто боится его обременить, не хочет, чтобы он видел всё это. Но смириться с этим было невыносимо.

Ради чего он вернулся к жизни? Ради чего проделал этот долгий путь, не щадя себя? Он сделал так много, но никогда не ждал благодарности — он сам возвращал долг, пытался загладить ошибки прошлого, чтобы на душе стало легче. Можно не благодарить, но неужели нельзя обойтись без таких жестоких слов?

От этого становилось стыдно, будто он навязывался со своим радушием, а ему показывали холод.

Всё, что он сделал, каким бы великим или значимым оно ни было, было его собственной инициативой. Никто об этом не просил. Он сам навязывался, сам лез, был бесстыдным!

— Хорошо, я уеду, Хо Янь. Только не сожалей потом!

Гу Тин не заплакал. Такие вещи слёз не стоят. Его просто выгоняют... что в этом такого? Если ты не ценишь — и мне не надо!

Он выбежал из комнаты Хо Яня. Снаружи его ждала группа солдат, смотрящих на него выжидающе:

— Господин Гу...

Они не говорили лишнего, но их лица ясно выражали мольбу: «Просим, не уезжайте. Князь просто болен, бредит, не обращайтесь на него внимания...»

Гу Тин плотно сжал губы, высоко поднял голову и с бесстрастным лицом прошёл сквозь строй солдат, ни на кого не глядя. Уж если лицо потеряно, то уходить надо с достоинством!

Он жёстко вытер глаза и направился в свою комнату за вещами. Всё равно он уже решил уехать. Хо Янь давно считал, что его болтовня о «любимце» неуважительна, и давно таил недовольство, так что нынешняя холодность и жестокие слова были закономерны. Если бы он остался, его всё равно рано или поздно выгнали бы!